

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-312-323

EDN: GYUEMX

Научная статья / Research article

Миростроительство как перспективное направление стратегической коммуникации БРИКС: опыт КНР

О.С. Кочеров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 o.s.kocherov@spbu.ru

Аннотация. В условиях фрагментации международной архитектуры мира и кризиса традиционной либеральной модели миротворчества необходимо конструирование новых устойчивых механизмов миростроительства, направленных не на силовое разрешение конфликтов, легитимизируемое этикой справедливой войны, а на их предотвращение через равноправный межкультурный диалог, выработку инклюзивной этики мира и стимулирование социально-экономического развития стран Глобального Юга. Важную роль в поддержании мира на современном этапе, в том числе и для слабо институционализированных объединений наподобие БРИКС, играет стратегическая коммуникация. Тем не менее, несмотря на наличие у БРИКС четко выраженной повестки в области миростроительства (акцент на центральной роли ООН, осуждение односторонних вмешательств и санкций, увязывание мира с экономическим развитием, урегулирование конфликтов через стимулирование диалога между всеми участниками конфликта при посредничестве региональных организаций), стратегические нарративы объединения фактически не конвертируются в конкретные механизмы медиации. В большинстве случаев страны БРИКС либо делегируют обсуждение тематических вопросов на иные площадки, либо (что характерно для конфликтов, в которые вовлечены члены объединения) игнорируют их. Посредством нарративного и структурного анализа стратегической коммуникации Китайской Народной Республики (КНР) как страны — участницы БРИКС показано, что у незападных стран существуют сложности и с разработкой индивидуальных миростроительных стратегий. Это обусловлено необходимостью балансировать между принципом невмешательства, не соответствующим статусу и интересам ключевых стран Глобального Юга, и вмешательством, которое может быть воспринято как проявление неокOLONIALИЗМА. Создание общей миростроительной стратегической коммуникации БРИКС позволит расширить индивидуальное пространство стран — участниц объединения для урегулирования конфликтов и будет способствовать укреплению доверия между БРИКС и странами Глобального Юга. Для этого необходимы межкультурно-философское изучение незападных этик мира как потенциальных источников миростроительной модели БРИКС, разработка механизмов урегулирования конфликтов между членами объединения, более тесное взаимодействие с региональными организациями и исследование возможностей цифрового миростроительства.

Ключевые слова: международная архитектура мира, миротворчество, предотвращение конфликтов, медиация, этика мира

Сведения о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00699, <https://rscf.ru/project/25-18-00699/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кочеров О. С. Миростроительство как перспективное направление стратегической коммуникации БРИКС: опыт КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 312–323. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-312-323>; EDN: GYUEMX

© Кочеров О.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Peacebuilding as a Promising Vector of BRICS Strategic Communication: China's Experience

Oleg S. Kocherov

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 o.s.kocherov@spbu.ru

Abstract. The fragmentation of the international peace architecture and the crisis of the traditional liberal model of peacekeeping highlight the need for new sustainable mechanisms for peacebuilding aimed not at the kinetic conflict resolution legitimized by just war ethics, but at their prevention through promoting equal intercultural dialogue, developing inclusive peace ethics, and stimulating the socio-economic development of Global South countries. In order to preserve peace, actors, including such weakly institutionalized organizations like BRICS, can employ strategic communication. However, despite having a clear peacebuilding agenda that emphasizes the central role of the UN and condemns unilateral interventions and sanctions, peace-development nexus, conflict resolution through dialogue between all parties mediated by regional organizations, BRICS's strategic narratives do not convert into mediation mechanisms. BRICS countries either delegate the discussion of thematic issues to other platforms or ignore them. Through a narrative and structural analysis of the strategic communication of the People's Republic of China (PRC) as a BRICS member country, it has been shown that non-Western countries also face difficulties in developing individual peacebuilding strategies. This is primarily due to the need to balance between non-interference, which does not correspond to their status and interests, and intervention, which can be perceived as a manifestation of neocolonialism. Coordinated BRICS peacebuilding strategic communication could enhance its members' capabilities for conflict resolution and contribute to trust-building between BRICS and the Global South. This requires an intercultural philosophical study of non-Western ethics of peace as potential sources for the BRICS peacebuilding model, the development of mechanisms for resolving conflicts between BRICS members, a more dynamic interaction with regional organizations and research into the possibilities of digital peacebuilding.

Key words: international peace architecture, peacekeeping, conflict prevention, mediation, ethics of peace

Funding sources. The research was supported by a grant No. 25-18-00699 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00699/>.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kocherov, O. S. (2026). Peacebuilding as a promising vector of BRICS strategic communication: China's experience. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 312–323. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-312-323>; EDN: GYUEMX

Введение

Дефицит мира является одним из важнейших вопросов глобальной академической и политической повестки. В фокусе исследований долгое время оставалась преимущественно западная либеральная модель миростроительства¹ и созданная на ее основе международная

архитектура мира. Либеральная модель предполагает определенную концептуализацию позитивного мира², включающую в себя «мир

¹ В тематической литературе и миротворческой практике существует традиционное деление «операций в пользу мира» на пять разновидностей: 1) предотвращение конфликтов; 2) миротворчество (*peacemaking*) — усилия по налаживанию диалога между вовлеченными в конфликт сторонами; 3) поддержание мира (*peacekeeping*) — контроль над соблюдением сторонами перемирия; 4) принуждение к миру (*peace enforcement*) — насильственное прекращение конфликта; 5) миростроительство (*peacebuilding*) — послевоенная деятельность по предотвращению повторной

эскалации (подробнее см.: Terminology // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/terminology> (accessed: 26.01.2026)). На всех этапах конфликта акторы также могут осуществлять посредничество (медиацию), то есть помощь в поиске сторонами путей мирного разрешения конфликта. В последние десятилетия возникло и более широкое понимание миростроительства, в рамках которого акцент делается на предотвращении и разрешении конфликтов через создание международной архитектуры безопасности и государственное строительство. Именно в таком широком смысле миростроительство и используется в данном исследовании.

² Концепция позитивного мира связывается с именем Й. Галтунга (Galtung, 1969). Если «негативный» мир означает лишь отсутствие войны, то позитивный предполагает реализацию тех или иных норм и ценностей, цементирующих мир.

победителя, нацеленный на безопасность, институциональный мир, обеспечивающий международное управление, конституционный мир, гарантирующий демократию и свободную торговлю, и гражданский мир, защищающий права и свободы» (Richmond, 2016, p. 57). Важной частью либеральной модели миростроительства является этика войны (прежде всего теория справедливой войны) как нормативное основание урегулирования конфликтов. Тем не менее акцент на ней в условиях противоречий между ведущими акторами привел лишь к бесплодным дискуссиям о легитимности вооруженного вмешательства и к односторонним интервенциям в обход институций международной архитектуры мира. Даже если акторам удавалось договориться о миротворческих операциях, они далеко не всегда порождали мир и стабильность — прежде всего из-за узости либерального подхода и сохраняющейся западной дискурсивной гегемонии в сфере миротворчества (Аду и др., 2023, с. 421–426).

Все это привело к фактическому распаду либеральной международной архитектуры мира на «многополярный порядок, состоящий из различных сфер, в которых имеются свои собственные ограниченные подходы к миротворчеству» (Richmond, Pogodda & Visoka, 2024, p. 143). Хотя эти сферы зачастую концептуализируются как основы структуры авторитарного (или иллиберального) международного порядка, ключевые незападные страны часто могут поддерживать и «либеральные» нормы (Jütersonke et al., 2021). Дихотомии «либеральный — нелиберальный» или «западный — незападный», примененные в отношении акторов мировой политики, не дают адекватного представления об отношении ведущих держав к миростроительной роли ООН в условиях многополярности (Badache, Hellmüller & Salaymeh, 2022, p. 564) и о роли «операций в пользу мира» во внешнеполитической стратегии этих держав (Levorato & Donelli, 2024). В связи с этим более корректно говорить о различных гибридных моделях миростроительства.

Как бы ни концептуализировались модели, альтернативные западным, справедливо замечание О. Ричмонда о том, что в настоящее время

миротворчество сталкивается с серьезнейшими онтологическими, методологическими и эпистемологическими проблемами (Richmond, 2025, p. 1386). Это обуславливает необходимость поиска новых инструментов мирного разрешения конфликтов, а также общих мест между либеральной миротворческой моделью и формирующимися незападными подходами (Yuan, 2020, p. 37). Благодатной почвой для развития гибридного миростроительства может стать этика мира, в рамках которой акцент делается на предотвращение конфликтов через диалог и социальноэкономическую помощь.

Поскольку этика мира связана с несиловым воздействием, важная ее часть — изучение связи между миром и коммуникацией. Конфликты порождают определенные нарративы, которые в свою очередь ужесточают дальнейшие итерации конфликта. Анализ этих нарративов и создание альтернатив им является мощным инструментом миростроительства. В то же время в коммуникативной миростроительной практике имеется множество проблем: от недостатка внимания к распространенным в конфликтной среде культуральным нарративам или практикам (Atay & Berberoğlu, 2025) до отсутствия дискурсивной координации между миротворцами (Sandor, 2020).

В этой связи особую роль в предотвращении и урегулировании конфликтов приобретает стратегическая коммуникация (СК). В данном исследовании используется определение стратегической коммуникации, предложенное в рамках интегративного подхода, который развивают Е.Н. Пашенцев (Pashentsev, 2020, p. 19), Д.Ю. Базаркина (Bazarkina & Pashentsev, 2021) и К. Пол (Paul, 2011, p. 3): под СК понимается проекция актором долгосрочных ценностей, интересов и целей в сознание определенной аудитории через адекватную синхронизацию слов (или стратегических нарративов), дел и образов для достижения конкретных стратегических задач. Такой системный подход требует некоторых методологических уточнений.

При анализе СК необходимо учитывать, что она является комплексной системой. В целом в тематической литературе (Holtzhausen,

Fullerton & Lewis, 2025) обычно выделяется три уровня СК:

1. Макроуровень, на котором формулируются основополагающие принципы и ключевые нарративы тематической СК. В контексте миростроительной СК это нарративы о сущности системы международных отношений, допустимых путях к устойчивому миру, роли актора в укреплении глобального мира и т. д. В плане «дел» этот уровень предполагает участие в институтах международной архитектуры мира.

2. Мезоуровень: на этом уровне СК реализуется в конфликтогенных регионах и странах. «Дела» на этом уровне проявляются, с одной стороны, в создании (транс)региональных миростроительных институций, а с другой — во вмешательстве в конфликты.

3. Микроуровень предполагает реализацию конкретных операций в поддержку мира. В миротворческих операциях СК используется для многих задач: от повышения прозрачности действий миротворцев до укрепления локальных коммуникативных и законодательных механизмов (Oksamytna, 2022). Адекватную СК можно считать важнейшим фактором успеха стратегического миротворчества (Lederach & Scott Appleby, 2010), в связи с чем СК становится неотъемлемой частью миротворческих операций ООН³.

Таким образом, миростроительная СК имеет различные проявления: от формирования определенных норм и институций международной архитектуры мира до непосредственной коммуникативной деятельности миротворцев. В условиях фрагментированной международной архитектуры мира важнейшими направлениями миростроительной СК становятся предотвращение деградации институтов глобального управления, СК на мезо- и микроуровнях и ее синхронизация с СК на глобальном уровне. Иными словами, СК второго и третьего уровней сама по себе является «делами», которые подтверждают СК первого уровня.

К примеру, если актор вмешивается в конфликт из корыстных интересов или если его миротворческие силы совершают преступления, глобальные миростроительные стратегические нарративы такого актора будут восприниматься крайне скептически.

Как изучение СК, так и ее реализация осложняются двумя факторами. Во-первых, для осуществления эффективной СК необходимо учитывать не только особенности целевой аудитории, но и то, что эта аудитория может быть представлена различными группами, каждая из которых требует отдельного коммуникативного подхода. Во-вторых, СК должна адаптироваться к обстановке и корректироваться на основе полученного от аудитории отклика.

В данном исследовании предпринята попытка нарративного анализа миростроительных подходов БРИКС и КНР, представленных в их ключевых тематических документах (декларациях лидеров БРИКС и белых книгах КНР), и структурного анализа того, насколько эти стратегические нарративы вписываются в систему СК рассматриваемых акторов, если о такой системе вообще можно говорить. В силу комплексности и динамичности СК для проверки полученных выводов и рекомендаций необходимы более детальные исследования индивидуальных СК и стратегических нарративов стран — участниц БРИКС и сравнительный анализ их стратегий осуществления СК.

Миростроительный нарратив БРИКС

Хотя БРИКС является прежде всего экономическим объединением, вопросы политики и безопасности заявляются в качестве одного из трех направлений сотрудничества стран-участниц. На основе нарративного анализа деклараций саммитов БРИКС с 2009 по 2025 г. можно выделить ряд ключевых положений в миростроительном нарративе объединения.

Во-первых, страны БРИКС выступают за мирное урегулирование международных конфликтов, в котором ведущая роль отводится Организации Объединенных Наций. БРИКС

³ Sherman J. Strategic Communications in UN Peace Operations : From an Afterthought to an Operational Necessity. New York : International Peace Institute, 2022. URL: <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2021/08/IPI-RPT-Strategic-Communications.pdf> (accessed: 12.09.2025).

также заявляет о приверженности реформе ООН и необходимости более широкой представленности стран Глобального Юга в механизмах принятия решений организации, хотя единого проекта такой реформы объединение не выработало, что обусловлено различиями в подходах стран-участниц (Petrone, 2021).

Во-вторых, государства БРИКС осуждают односторонние военные интервенции и экономические санкции. Эти действия, даже реализуемые с благими намерениями, дестабилизируют международную систему, делегитимизируют существующие международные институты и принципы и являются угрозой глобальному миру.

В-третьих, БРИКС увязывает международную безопасность с социоэкономическим и политическим развитием стран и регионов. Такой подход предполагает, с одной стороны, акцент на предотвращении конфликтов, а также «тесную взаимосвязь между поддержанием мира и миростроительством»⁴, а с другой стороны — широкое понимание безопасности, где вопросы мира неразрывно связаны с устойчивым развитием, антитеррористической деятельностью и т. д.

В-четвертых, страны — участницы объединения убеждены, что военное вмешательство в конфликт возможно лишь в рамках миротворческих миссий ООН или иных организаций (например, таких региональных объединений, как Африканский союз (АС)) при наличии мандата ООН и согласия властей затронутой конфликтом страны. Акцент при этом необходимо делать на установление диалога между всеми сторонами конфликта и поиск компромиссных решений с учетом социокультурного и политического контекста (примером может служить принцип «Африканским проблемам — африканские решения»).

В-пятых, углубление диалога и сотрудничества между странами БРИКС само по себе способствует построению гармоничного мира.

Это достигается как через реформирование международной финансовой архитектуры и международной архитектуры мира, так и через нормотворчество в сравнительно новых сферах (таких, как, например, разработка норм регулирования информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), искусственного интеллекта (ИИ) и т. д.).

На текущем этапе миростроительная стратегическая коммуникация БРИКС носит двойственный характер. Членам объединения удалось сконструировать единый нарратив по вопросам безопасности и мира, который они способны продвигать на других международных площадках, а в ряде случаев и воплощать в своей деятельности. Так, встреча высоких представителей стран БРИКС в области безопасности вылилась в Антитеррористическую стратегию БРИКС (2020 г.) и План действий по ее реализации (2021 г.). Важнейшим инструментом миростроительной СК БРИКС является Новый банк развития, одна из основных задач которого состоит в содействии странам Глобального Юга в инфраструктурной и финансово-экономической сферах.

В то же время очевидны и недостатки в миростроительной СК БРИКС.

Во-первых, текущий нарратив объединения слишком абстрактен. Одни и те же формулировки практически без изменений ежегодно повторяются в официальных документах, но при этом не конвертируются в какие-либо нормы или механизмы урегулирования конфликтов.

Во-вторых, БРИКС фактически делегирует развитие нарратива другим организациям или платформам. Само по себе дискурсивное делегирование можно считать проявлением СК, поскольку оно влияет на нормотворчество в институтах глобального управления. Однако более продуктивными представляются попытки сформировать общий нарратив по тематическим вопросам, например, в отношении концепции «ответственность по защите» (*responsibility to protect*, R2P), где близость позиций стран — участниц БРИКС могла бы привести к созданию более легитимного механизма урегулирования конфликтов (Crowley-Vigneau et al., 2024).

⁴ Форталезская декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС), г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 года // Президент России. 2014. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf> (дата обращения: 24.06.2025).

В-третьих, хотя некоторые страны БРИКС вовлечены в конфликты с третьими странами или даже друг с другом, объединение никак не участвует в медиации. Можно выделить три основных дискурсивных стратегии БРИКС в отношении таких конфликтов.

Первой стратегией является дискурсивная поддержка. Ярким примером здесь является осуждение агрессии Израиля против Ирана⁵. Такое дискурсивное единство стало возможным благодаря сходимости позиций стран-участниц по палестинскому вопросу.

Вторая стратегия — делегирование нарративов на другие площадки. Так, БРИКС не формулирует общий стратегический нарратив в отношении украинского конфликта и не пытается предложить (например, в формате «БРИКС+») план деэскалации, хотя и поддерживает индивидуальные предложения стран-участниц на этом треке и выражение их позиций на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН.

Третья стратегия — умалчивание. Так, в дискурсе БРИКС не получил никакого отражения пограничный конфликт между КНР и Индией 2020–2021 гг. Замалчиваются и конфликт между Индией и Пакистаном, а также потенциальные конфликты между Эфиопией и Египтом и КНР с Индонезией. Хотя вынос за скобки противоречий между членами объединения во время их встреч и «саммитовая дипломатия» БРИКС играют определенную стабилизирующую роль (Brosig, 2019; 2021), они не смогут сдерживать полномасштабный конфликт.

Таким образом, у БРИКС отсутствуют механизмы как урегулирования разногласий между членами объединения, так и глобального миростроительства. В условиях институциональной «аморфности» БРИКС важным миростроительным инструментом объединения может стать СК, что обуславливает необходимость анализа индивидуальных миростроительных СК стран — участниц объединения как источников формирования общей СК БРИКС.

Миростроительство в контексте системы стратегической коммуникации КНР

Логика внешнеполитической стратегии КНР во многом задается двойственностью современной китайской идентичности. С одной стороны, на мироощущение КНР, как и большинства других членов БРИКС, повлиял колониальный опыт (Rising Powers and Peacebuilding..., 2017, p. 256). Он не только определяет чувствительность этих стран к нарушению суверенитета, но и способствует пониманию между ними и другими акторами Глобального Юга. С другой стороны, активное развитие КНР привело к тому, что у нее возникли зарубежные интересы, требующие защиты, и сформировалась потребность в региональной и глобальной стабильности для обеспечения дальнейшего экономического роста. Кроме того, КНР, фактически обретшая статус великой державы, стремится поддерживать его через производство международных «общественных благ» в виде мира, безопасности и развития. Эти процессы объясняют необходимость некоторого отхода от принципа невмешательства. В китайском академическом дискурсе они способствовали возникновению ряда концепций (например, «творческого вовлечения» (*чуанцзаосин цзежу*, 创造性介入) (Wang, 2017), описывающих такое воздействие на актора, которое не воспринимается как нарушение границ. Эти концепции не были официально взяты китайским руководством на вооружение, но их появление и активное обсуждение в китайском экспертном сообществе свидетельствует о том, что Китай находится в поисках срединного пути между защитой своих интересов как ответственной державы и соблюдением принципа невмешательства.

Одновременно с этим КНР, как и ряд других стран — участниц БРИКС, является объектом информационных кампаний западных стран, видящих в стремлении Китая играть большую роль в трансрегиональном и глобальном управлении угрозу своим позициям и интересам. В связи с этим неудивительно, что современное китайское руководство придает огромное значение СК. Так, в 2022 г.

⁵ Декларация Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления», Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 года // Президент России. 2025. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzL-t3HuuI7EBmqRC.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

Си Цзиньпин заявил о необходимости создания «системы стратегической коммуникации с китайской спецификой» (*чжунго тэсэ дэ чжаньлюэ чуаньбо ти*, 中国特色的战略传播体系). Она служит для продвижения множества китайских концепций (от «нового типа международных отношений» (*синьсин гоцзи гуаньси*, 新型国际关系) и «четырех глобальных инициатив» (*сы да цюаньцю чаньи*, 四大全球倡议) до «мира через развитие» (*фачжэнь хэтин*, 发展和平)), которые легли в основу глобальных китайских проектов («Один пояс, один путь»), международных институций (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) и площадок для диалога со странами Глобального Юга (Форум китайско-африканского сотрудничества (ФКАС)).

Хотя миростроительная тематика так или иначе затрагивается в большинстве ключевых документов и выступлений китайских официальных лиц, особого внимания заслуживает белая книга «Китайские вооруженные силы: 30 лет миротворческих операций ООН»⁶. Основные ее положения тесно перекликаются с формулировками из деклараций БРИКС.

Во-первых, мир и гармония являются важными традиционными ценностями Китая, что отражается и в таких концептах классической китайской философии, как «гармония без единообразия» (*хэ эр бутун*, 和而不同), и в современных инициативах (например, «сообщество единой судьбы человечества» (*жэньлэй минь юнь гунтунти*, 人类命运共同体)).

Во-вторых, развитие Китая способствует укреплению международного мира и безопасности, поскольку Китай, вернувший статус великой державы, осознает вытекающую из этого статус ответственность.

В-третьих, доказательством миролюбия Китая и его статуса ответственной державы является его поддержка ООН как важнейшего института международной системы в целом

и миротворчества ООН в частности. Так, повышается удельный вес КНР в финансировании и комплектовании миротворческих операций. Кроме того, Китай вносит вклад в развитие концептуальной основы миростроительства. В качестве примера можно привести участие КНР в выработке норм концепции «ответственность по защите» и популяризацию дополняющего ее бразильского нарратива «ответственность во время защиты» (*responsibility while protecting*, RWP) и китайского нарратива «ответственной защиты» (*фуцзэжэнь дэ баоху*, 负责任的保护) (Garwood-Gowers, 2016) и т.д.). На более фундаментальном уровне Пекин стремится дискурсивно трансформировать «три опоры» ООН (мир и безопасность, развитие и права человека) в более соответствующую его идентичности модель (экономическое развитие, сильное государство, социальная стабильность) (Foot, 2020).

Наконец, КНР интенсифицирует сотрудничество с другими акторами по линии миростроительства в формате совместных учений и обмена опытом. В белой книге особо отмечается необходимость развития системы СК с релевантными институциями ООН и другими странами для координации подходов к миротворчеству и повышению эффективности операций в пользу мира⁷.

В-четвертых, для достижения устойчивого мира необходимо применять не только механизмы миротворчества, но и инструменты превентивной дипломатии и медиации, а также способствовать социоэкономическому развитию стран Глобального Юга.

Китайские миростроительные стратегические нарративы воплотились в рамках довольно обширной сети институций. Так, КНР активно участвует в обсуждении всего спектра вызовов миру и безопасности в рамках различных международных организаций и форумов (например, Шанхайская организация сотрудничества, Сяншаньский форум). Кроме того, КНР создает архитектуру миростроительства, которая на настоящее время включает инсти-

⁶ Full Text: China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations // The State Council of the Republic of China. September 18, 2020. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS5f6449a8c6d0f7257693c323.html (accessed: 25.01.2026).

⁷ Ibid.

тут специальных представителей и региональные механизмы с участием Китая. В 2025 г. она была дополнена Международной организацией посредничества, в которую помимо КНР вошло еще 32 страны — представительницы Глобального Юга.

Один из важнейших регионов в рамках китайского миростроительства — Африка. Здесь основным региональным механизмом СК КНР является Форум китайско-африканского сотрудничества. Хотя сам Форум был создан еще в 2000 г., его миростроительная компонента активировалась с приходом к власти Си Цзиньпина. В 2012 г. была выдвинута «Инициатива китайско-африканского партнерства для мира и безопасности», в рамках которой КНР обязалась увеличить финансирование африканских миротворческих операций и принять участие в развитии местных миротворческих сил. В 2018 г. на полях ФКАС был создан Китайско-африканский форум по вопросам мира и безопасности, а в 2022 г. КНР предложила «Концепцию мира и развития в регионе Африканского Рога». Акцент в ней делается на укреплении внутрирегионального диалога, социально-экономическом развитии и государственном строительстве⁸.

Помимо расширения участия в (транс)региональных институтах мира и безопасности КНР все чаще непосредственно участвует в операциях по поддержанию мира. Китайские миротворцы приняли участие более чем в 20 миротворческих миссиях ООН. Не меньшую роль КНР играет и в международной медиации. Пекин стремится принять участие в качестве медиатора во всех ключевых конфликтах — от переговоров по ядерным программам в Корейской Народно-Демократической Республике (КНДР) и Иране до российско-украинского конфликта. Одним из наиболее явных достижений на этом треке является уре-

гулирование отношений между Ираном и Саудовской Аравией в 2023 г.

Наконец, крайне важными для КНР становятся не только «слова» и «дела», но и «образы». Если ранее Пекин делал акцент на «тихой дипломатии», то в последние два десятилетия его миростроительство в большинстве случаев активно освещается на китайских медиаресурсах (Paczuńska, 2021, p. 7). К настоящему времени в Китае создана многоуровневая система трансляции стратегических нарративов, в которую входят разнообразные СМИ, соцсети, международные организации и аналитические центры (Кривохиж, Соболева, 2025). Хотя анализ «образов» китайской миростроительной СК требует отдельного исследования, нарративный анализ документов на сайте Госсовета КНР с 2012 г. по запросам «миротворчество» и «миростроительство» демонстрирует, что китайские СМИ делают акцент на двух группах образов: улучшении жизненных условий населения, затронутого конфликтом, с помощью КНР и героизации китайских миротворцев, погибших при исполнении обязанностей.

В то же время, несмотря на развитость китайской системы СК, ей присущ и ряд недостатков, снижающих ее эффективность.

Во-первых, концептуальная неразвитость медиации приводит к тому, что не до конца ясно, как КНР выбирает, в каких конфликтах выступить в качестве посредника и в каком именно формате. В связи с этим распространение получил тезис, что миростроительная деятельность КНР нацелена прежде всего на реализацию внешнеполитических интересов Китая и усиление его позиций в соответствующих регионах или доступ к ресурсам стран-реципиентов (Ли, 2023). Однако недавние исследования опровергают этот тезис и демонстрируют, что основной драйвер китайских миростроительных усилий — экономические нужды стран-реципиентов и желание КНР реализоваться в качестве «ответственной великой державы» (Jung & Shyrokykh, 2024). Еще одним фактором, влияющим на решение выступить в качестве медиатора, может служить наличие механизмов, устанавливающих границы до-

⁸ Цинь Ган рассказал о ходе реализации «Концепции мирного развития Африканского Рога» в Эфиопии // Генеральное консульство Китайской Народной Республики в г. Владивостоке. 11.01.2023. URL: https://vladivostok.china-consulate.gov.cn/rus/zgyw_8/202301/t20230112_11006277.htm (дата обращения: 11.06.2025).

зволненного вмешательства (например, ФКАС (Cheng, Mawdsley & Liu, 2023)). В любом случае, отсутствие четко выраженной стратегии медиации делает СК КНР весьма уязвимой для враждебных коммуникативных кампаний. Особенно актуальна эта проблема в контексте африканского направления деятельности КНР, которое зачастую концептуализируется в западных нарративах как неоколониализм.

Во-вторых, далеко не всегда КНР удается конвертировать стратегические нарративы в эффективные операции в пользу мира. Так, несмотря на активное участие Китая в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке, китайские «дорожные карты» не привлекли широкого внимания мировой общественности во многом в связи с тем, что не содержали практических решений проблем и фокусировались исключительно на стабилизации ситуации (Karakır, 2022, p. 253). Не всегда КНР удается позиционировать себя как нейтрального актора в глазах сторон конфликта. К примеру, в Эфиопии перемирие между сторонами гражданского вооруженного противостояния было достигнуто фактически без участия специального представителя КНР, который, по мнению ряда участников, действовал преимущественно в интересах эфиопского правительства (Lammich, 2025, pp. 637–638).

В то же время наблюдаются и корректировки в миростроительной СК и миротворческой практике КНР. Так, продвигаемая Пекином концепция *RwP* периодически вступала в противоречие с китайской миростроительной стратегией поддержки силовых структур страны, затронутой конфликтом, через поставки оружия и займы. Хотя эта стратегия приводила к укреплению режима, она также часто выливалась и в эскалацию насилия и угнетение населения (Ndawana, 2025). В связи с этим КНР постепенно начала отходить от этой стратегии. С одной стороны, в ряде случаев она вводила ограничения на продажу оружия, если у нее возникали подозрения, что оно приводит к дестабилизации ситуации (Etyang & Oswan Panyako, 2020, p. 354). С другой стороны, Пекин стал уделять больше внимания взаимодействию с местным гражданским обществом

и концептуализировать его как помощника сильного государства (Jütersonke et al., 2021). Так, китайские миротворцы, участвующие в операциях ООН, активно оказывают гуманитарную помощь местным школам, приютам и медицинскими учреждениям, а также организуют совместные культурные мероприятия (Kwon, 2020).

Вместо заключения: перспективы развития миростроительной СК БРИКС

Проведенный анализ показывает, что в условиях фрагментации международной архитектуры мира стратегическая коммуникация постепенно становится важной частью миростроительных усилий стран БРИКС в целом и Китая в частности. Тем не менее даже в крайне развитой китайской системе СК имеются недостатки, обусловленные прежде всего тем, что КНР пытается нащупать путь между невмешательством, не отвечающим запросам народов Глобального Юга и неспособным обеспечить защиту китайских интересов, и вмешательством, требующим тонкой настройки и потенциально способным вызвать осуждение со стороны незападных акторов, но необходимым в условиях дискурсивной агрессии со стороны западных стран.

Одним из решений этой дилеммы может стать развитие общей миростроительной СК БРИКС. Поскольку многие жители стран Глобального Юга с подозрением относятся к попыткам индивидуального вмешательства в их внутренние дела со стороны стран — участниц БРИКС, посредническое вмешательство в конфликт БРИКС как объединения может существенно повысить доверие населения к мерам по урегулированию конфликта.

Для конструирования такой СК следует осуществить несколько шагов.

Во-первых, необходим тщательный анализ незападных этик войны и мира, их применимости в современной политической практике и в СК. Важным инструментом здесь может стать межкультурно-философский подход (Степанянц, 2020), подразумевающий

не просто сравнительный анализ различных традиций, но равноправный диалог между ними и использование их интеллектуальных ресурсов для поиска ответов на актуальные проблемы.

Во-вторых, необходимо разработать механизмы предотвращения конфликтов и медиации между самими участниками БРИКС+. Крайне полезным здесь может оказаться опыт Индонезии как участника Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В-третьих, следует изучить возможности институционализации БРИКС на треке миростроительства. Целесообразно создать перманентный орган БРИКС, который занимался бы вопросами мониторинга и предотвращения конфликтов (Абденур, 2017, с. 90), а также выработки общего нарратива БРИКС.

В-четвертых, необходимо изучить возможности сотрудничества БРИКС с региональными организациями, которое может существенно расширить миростроительные возможности таких объединений, как Африканский союз, и вместе с тем способствовать конвертации СН БРИКС в конкретные шаги.

В-пятых, поскольку одним из важнейших направлений сотрудничества БРИКС являются ИКТ, перспективно обращение объединения к цифровому миростроительству. Огромным миротворческим потенциалом обладают технологии ИИ. Они могут привлекаться для множества целей: прогнозирования и ранней идентификации конфликтов, мониторинга режима прекращения огня, построения доверия между сторонами конфликта (Hirblinger et al., 2024), выявления наиболее затронутых конфликтом групп и более эффективного и справедливого распределения гуманитарной помощи, анализа эффективности миротворческих и миростроительных индивидуальных и коллективных усилий стран — участниц БРИКС и т. д. Перспективным направлением исследований является и применение ИИ для совместного конструирования с участниками конфликта позитивных сценариев будущего (Hirblinger, Brummer & Kufus, 2024), в том числе на основе незападных этик мира. Наконец, ИИ может стать и важным инструментом конструирования общей миростроительной СК БРИКС.

Поступила в редакцию / Received: 13.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 31.01.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Абденур А. Э. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 3. С. 73–93. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-03-73>; EDN: YLCXMD
- Аду Я. Н., Бокерия С. А., Дегтерев Д. А., Мезяев А. Б., Шамаров П. В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 415–434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>; EDN: EYISPO
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д. Большая нарративная игра: многоуровневая система трансляции стратегических нарративов КНР // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2025. Т. 20, № 1. С. 75–88. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2025-01-04>; EDN: PKAWGC
- Ли Ц. Миротворческая деятельность Китая в ООН: особенности, вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15, № 4. С. 142–172. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-142-172>; EDN: XXZZJP
- Степанянц М. Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. Москва : Наука, 2020. EDN: OBSCZH
- Atay A. D., Berberoğlu N. Peace Communication: A Transdisciplinary Perspective for Peace at the Intersection of Cultural, Peace and Communication Studies // Peacebuilding. 2025. Vol. 13, iss. 4. P. 345–357. <https://doi.org/10.1080/21647259.2024.2437315>

- Badache F., Hellmüller S., Salaymeh B. Conflict Management or Conflict Resolution: How Do Major Powers Conceive the Role of the United Nations in Peacebuilding? // *Contemporary Security Policy*. 2022. Vol. 43, iss. 4. P. 547–571. <https://doi.org/10.1080/13523260.2022.2147334>; EDN: VLCYIC
- Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. BRICS Strategic Communication: The Present and the Future // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 64–93. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-64-93>; EDN: IYTTQM
- Brosig M. Fit for Purpose? BRICS and Inner-Group Conflicts // *Global Policy*. 2021. Vol. 12, iss. 4. P. 529–533. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12998>; EDN: KRDDCP
- Brosig M. *The Role of BRICS in Large-Scale Armed Conflict : Building a Multi-Polar World Order*. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-18537-4>
- Cheng H., Mawdsley E., Liu W. Reading the Forum on China—Africa Cooperation (2000–2021): Geoeconomics, Governance, and Embedding ‘Creative Involvement’ // *Area Development and Policy*. 2023. Vol. 8, iss. 1. P. 60–83. <https://doi.org/10.1080/23792949.2022.2092018>; EDN: CZIOPW
- Crowley-Vigneau A., Baykov A. A., Bunik I. V., Gao A. Rebuilding the R2P with BRICS Countries: A Normative Perspective // *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68, no. 4. P. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-5-15>; EDN: WZVDPB
- Etyang O., Oswan Panyako S. China’s Footprint in Africa’s Peace and Security: The Contending Views // *The African Review*. 2020. Vol. 47, iss. 2. P. 336–356. <https://doi.org/10.1163/1821889X-12340022>; EDN: YZETXO
- Foot R. *China, the UN, and Human Protection : Beliefs, Power, Image*. Oxford : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198843733.001.0001>
- Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // *Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6, iss. 3. P. 167–191. <https://doi.org/10.1177/002234336900600301>; EDN: JNWZFF
- Garwood-Gowers A. China’s “Responsible Protection” Concept: Reinterpreting the Responsibility to Protect (R2P) and Military Intervention for Humanitarian Purposes // *Asian Journal of International Law*. 2016. Vol. 6, iss. 1. P. 89–118. <https://doi.org/10.1017/S2044251314000368>
- Hirblinger A. T., Brummer V., Kufus F. Leveraging Digital Methods in the Quest for Peaceful Futures: The Interplay of Sincere and Subjunctive Technology Affordances in Peace Mediation // *Information, Communication & Society*. 2024. Vol. 27, iss. 11. P. 2039–2058. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2023.2247070>
- Hirblinger A. T., Wählich M., Keator K., McNaboe C., Duursma A., Karlsrud J., et al. Making Peace with Uncertainty: Reflections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype // *International Studies Perspectives*. 2024. Vol. 25, iss. 2. P. 185–225. <https://doi.org/10.1093/isp/ekad004>; EDN: ZHWJNU
- Holtzhausen D., Fullerton J. A., Lewis B. K. *Principles of Strategic Communication*. 2nd edition. New York : Routledge, 2025. <https://doi.org/10.4324/9781032626291>
- Jung Y., Shyrokykh K. Needs or Interests: Drivers of China’s Peace Engagement in Conflict-Affected Countries // *International Peacekeeping*. 2024. Vol. 31, iss. 5. P. 553–574. <https://doi.org/10.1080/13533312.2024.2369513>
- Jütersonke O., Kobayashi K., Krause K., Yuan X. Norm Contestation and Normative Transformation in Global Peacebuilding Order(s): The Cases of China, Japan, and Russia // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65, iss. 4. P. 944–959. <https://doi.org/10.1093/isq/sqab060>; EDN: VZIHBN
- Karakır İ. A. China’s Conflict Management in the Middle East: Involvement without Impact? // *Contemporary Review of the Middle East*. 2022. Vol. 9, iss. 2. P. 240–257. <https://doi.org/10.1177/23477989221080632>; EDN: SOQTMR
- Kwon J. J. Red under Blue: Chinese Humanitarian Action in UN Peacekeeping Missions // *International Peacekeeping*. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 417–444. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1746186>; EDN: IPQPET
- Lammich G. China’s Evolving Security Engagement in Africa: Policies, Strategies, and Implications // *European Journal of International Security*. 2025. Vol. 10, iss. 5. P. 624–641. <https://doi.org/10.1017/eis.2025.3>
- Lederach J. P., Scott Appleby R. *Strategic Peacebuilding: An Overview* // *Strategies of Peace: Transforming Conflict in a Violent World* / ed. by D. Philpott, G. Powers. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 19–44. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195395914.003.0001>
- Levorato G., Donelli F. Undoing the Liberal versus Illiberal Peacebuilding Dichotomy // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2024. Vol. 18, iss. 3. P. 266–285. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2295321>
- Ndawana E. China’s Security Force Assistance in Zimbabwe under Robert Mugabe and Its Implications for Peacebuilding // *The Round Table*. 2025. Vol. 114, iss. 5. P. 572–589. <https://doi.org/10.1080/00358533.2025.2523980>; EDN: BZULDF
- Oksamytna K. Public Information and Strategic Communications in Peace Operations // *Handbook on Peacekeeping and International Relations* / ed. by H. Dorussen. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 148–162. <https://doi.org/10.4337/9781839109935.00021>
- Paczyńska A. “New” State Actors and Conflict-Affected States: Confronting Violence, Shifting Ambitions, and Adjusting Principles // *Frontiers in Political Science*. 2021. Vol. 3. P. 1–13. <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.663432>; EDN: QWCJOT

- Pashentsev E. N.* Strategic Communication in EU—Russia Relations // Strategic Communication in EU—Russia Relations : Tensions, Challenges and Opportunities / ed. by E. N. Pashentsev. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2020. P. 17–60. https://doi.org/10.1007/978-3-030-27253-1_2; EDN: ZJROWR
- Paul C.* Strategic Communication : Origins, Concepts, and Current Debates. New York : Bloomsbury Publishing USA, 2011. <https://doi.org/10.5040/9798216019596>
- Petrone F.* BRICS and Global Governance: Will the Grouping Be Able to Reform the United Nations Security Council? // International Studies. 2021. Vol. 58, iss. 3. P. 363–379. <https://doi.org/10.1177/00208817211029409>; EDN: ATAEUU
- Richmond O. P.* Peace in an Authoritarian International Order versus Peace in the Liberal International Order // International Affairs. 2025. Vol. 101, iss. 4. P. 1381–1401. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaf076>; EDN: IRKXZE
- Richmond O. P.* Peace in International Relations Theory // The Palgrave Handbook of Disciplinary and Regional Approaches to Peace / ed. by O. Richmond, S. Pogodda, J. Ramović. London : Palgrave Macmillan, 2016. P. 57–68. https://doi.org/10.1007/978-1-137-40761-0_5
- Richmond O. P., Pogodda S., Visoka G.* The International Dynamics of Counter-Peace // European Journal of International Relations. 2024. Vol. 30, iss. 1. P. 126–150. <https://doi.org/10.1177/13540661231168772>; EDN: MDCLJP
- Rising Powers and Peacebuilding: Breaking the Mold? / ed. by C. T. Call, C. de Coning.* Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2017. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-60621-7>
- Sandor A.* The Power of Rumour(s) in International Interventions: MINUSMA’s Management of Mali’s Rumour Mill // International Affairs. 2020. Vol. 96, iss. 4. P. 913–934. <https://doi.org/10.1093/ia/iiaa092>; EDN: PTRMWT
- Wang Y.* Creative Involvement : The Evolution of China’s Global Role. London : Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9781315187617>
- Yuan X.* Chinese Pathways to Peacebuilding: From Historical Legacies to Contemporary Practices // Pathways to Peace and Security. 2020. No. 1. P. 26–45. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-1-26-45>; EDN: PKZWCN

Сведения об авторе:

Кочеров Олег Сергеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; eLibrary SPIN-код: 3664-3920; ORCID: 0000-0002-2745-5991; e-mail: o.s.kocherov@spbu.ru